

НЕЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА: ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ РАЗРЫВЫ И СИНТЕЗЫ СОЦИУМА

Еще в конце XIX – начале XX века общественное развитие ассоциировалось с «непрерывным прогрессом по спирали», переходом от низшей ступени к высшей, более совершенной, с «научным управлением» обществом сообразно его «законам». При этом каждая новая ступень развития предполагала *историческую преемственность* с предыдущей: все «позитивное» от предшествующего этапа развития сохранялось, а «негативное, устаревшее» отмирало. Вклад в такие *линейные представления* общественного развития, основанные на признании детерминизма *внешних причинно-следственных связей*, внесли и европейские философы-просветители, и классики социологии – К. Маркс и Э. Дюркгейм. И казалось, что человеческое мироздание подчиняется «объективным законам»: в ведущих странах мира предпринимались попытки государственного планирования в масштабах всего общества, исходя из его «законов», шло утверждение общей идеологии и морали, жесткого социального порядка, моногамной семьи. Представлялось, что «законы» общества обратимы во времени – другие народы последуют тем же путем. Все отклоняющееся, случайное рассматривалось как временное и преходящее, а парадоксы социума – как исключение.

Однако вскоре эти представления были поставлены под вопрос. Российско-американский социолог П.А. Сорокин, исследовавший особенности социокультурной динамики, обосновал принципиально иное видение развития человеческого мироздания. По его мнению, происходит перманентная флуктуация как социокультурных суперсистем, так и обществ, равно, как их конкретных сфер: они не развиваются по восходящей линии, а «непрерывно качаются», изменения происходят с подъемами и падениями. В

---

1. Кравченко Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России

лучшем случае «прогресс оказывался местным и временным явлением»¹. Исходя из флуктуационных тенденций общественного развития, ученый весьма резко заявлял: «Валидна лишь теория ненаправленного колебания и циклов, независимых от периодичности или случайности самих колебаний»².

Между тем, неопределенные флуктуации становились все более рельефно выраженными. Ныне мир как на глобальном, так и на локальном уровнях сталкивается с *усложняющейся динамикой общества, приводящей к парадоксальным разрывам и синтезам социума*. Согласно постулату *стрелы времени*, обоснованного лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, имеет место *саморазвитие материи и ускоряющаяся динамика человеческих сообществ*. «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы... С увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль стрелы времени, эволюционных ритмов возрастает»³, - пишут И. Пригожин и И. Стенгерс. В настоящее время активно идет процесс формирования новой *нелинейной* социальной реальности, для которой характерным становится *отсутствие феномена внешней причины и принудительной каузальности*.

1. Парадоксальный характер разрывов и синтезов современного социума

Пространство современных обществ определяется стремительным возрастанием сложности, открытости и неустойчивости социума, принципиально новым динамизмом взаимоотношений социальных индивидов и общностей. По образному выражению известного английского

---

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 314.

2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – С. 322.

3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 265.

социолога Э. Гидденса, мир стал «ускользающим»¹, что, по существу, знаменует его переход в *иное* состояние.

По нашему убеждению, сущностными чертами нынешней социокультурной динамики общества являются *парадоксальные разрывы и синтезы социума*. Прежде всего, ответим на вопрос, почему современные разрывы и синтезы социума являются *парадоксальными по своей сущности*? Ведь и раньше происходили, казалось бы, самые невероятные социальные и культурные метаморфозы, вплоть до гибели тех или иных человеческих цивилизаций.

Парадокс предполагает резкое расхождение с обычным, общепринятым, он обозначает суждение, противоречащее здравому смыслу, является неожиданным явлением, не соответствующим обычным представлениям². Парадоксальные реалии, т.е. неожиданно возникающие явления, не характерны для традиционной и даже для индустриальной цивилизации, в которых социальные изменения происходили весьма медленно, образ жизни одного поколения мало чем отличался от предыдущего. При этом причина перемен усматривалась в каких-либо *внешних* социальных фактах. Соответственно, ученые-социологи свою задачу видели в выявлении причинно-следственных связей между общественными явлениями. Так, Э. Дюркгейм прямо ратовал за то, чтобы социальное изменение объяснять каким-либо социальным воздействием: «Мы пришли, таким образом, к следующему правилу: *определяющую причину данного социального факта следует искать среди предшествующих социальных фактов...*»³

---

1. См.: Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004.

2. См.: Парадокс. – Словарь русского языка в четырех томах. Том III. – М.: «Русский язык», 1987. – С. 20.

3. См.: Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – С. 126

Одним из первых, кто высказался за учет как внешних, так и внутренних, имманентных причин общественных изменений, был П.А. Сорокин. В частности, его *принципы имманентных изменений* получили обоснование в известной фундаментальной работе *«Социальная и культурная динамика»*. Отметим некоторые из этих принципов:

1. *Принцип имманентного порождения последствий.* «Любая социокультурная система, – пишет П. Сорокин, пока она существует и функционирует, непрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы... Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение самой системы, происходящее благодаря ее существованию и активности¹».

2. *Принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы:* «Как только социокультурная система появляется на свет, ее неотъемлемый и «привычный» способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самой системой, присущим ей характером и совокупностью ее свойств²».

3. *Имманентная самодетерминация как синтез детерминизма и индетерминизма:* «Детерминизм системы превращается в ее самодетерминацию. Самодетерминация – это синоним свободы³».

Со времен Сорокина произошло еще большее усложнение социокультурной динамики. Теперь, как правило, разрывы социума происходят под влиянием презумпции нелинейности, имманентной логики развития, что и придает им парадоксальный характер. Это проявляется в следующем. Во-первых, с позиции логоцентризма, интерпретировавшего явления через нахождение детерминистских связей, парадоксально уже то,

---

1. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: ЗХГИ, 2000. – С. 741.

2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... – С. 741.

3. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... – С. 743.

что нет какой-либо явно выраженной внешней причины для подобного рода разрывов. Так, в современных социальных системах на всех уровнях за счет имманентного движения ко все бóльшей открытости зачастую возникают разрывы в социальном пространстве. Прежние границы культур и стран утрачивают охранительные функции, становятся все более и более проницаемыми в процессе «переливов» капитала, технологий, продукции, человеческих ресурсов, культурных образцов и практик. Разрывам способствуют неопределенность, неустойчивые области и особенно точки бифуркации, когда перед структурой открываются возможности выбора альтернативного варианта будущего, который осуществляет сама структура, как бы проявляя свою «самостоятельную волю». Это прямо идет в разрез с классической научной рациональностью.

Во-вторых, парадоксальность разрывов проявляется в отсутствии феномена *исторической преемственности*. В частности, ее нет в развитии новых коммуникационных технологий: интернет, виртуальная мобильность (Дж. Ури), принципиально новые формы расчетов с помощью «электронных денег» просто не имеют корней в прошлом. Своим возникновением они скорее всего обязаны «вдруг-событиям» (Ж. Деррида). Нет исторической преемственности и в возникновении человеко-машинных систем с искусственным интеллектом. Также становятся естественными разрывы в экономической и политической преемственности. Для мирового рынка практически не стало национальных границ. «Страны утратили большую часть своего прежнего суверенитета, а политики – большинство возможностей влиять на события¹», – замечает Э. Гидденс. Словом, исторический социум все менее каузально влияет на социум ныне существующий.

---

1. Гидденс Э. Ускользающий мир... – С. 25.

В-третьих, разрывы парадоксальны и в том смысле, что вновь образуемый социум характеризуется «отсутствием направляющего начала» (Н.Н. Моисеев), обретает все более характер *ризомы*:¹ он может принимать любые конфигурации, развиваться в разных пространственных и временных координатах, что также не соответствует обычным (линейным) представлениям о развитии общества.

В-четвертых, разрывы, как правило, несут в себе функциональные парадоксы: они функционально амбивалентны, могут иметь, как дисфункциональное воздействие на социальных акторов, так и способствовать их переходу в иное социальное состояние, увеличивающее возможности для самоорганизации и самотворения. В то же время даже их явная нефункциональность и производимый ими хаос могут латентно способствовать образованию функциональности нового качества.

Парадоксальный характер обретают и современные *синтезы социума*, что выражается в следующем. Во-первых, сегодня нередко можно встретить *сосуществование ранее антагонистических ценностей* в одном социальном пространстве. Зачастую они могут относиться не только к разным культурам, но и разным пространственно-временным координатам. Парадоксальные синтезы ценностей подчас приводят к тому, что изменяются даже представления о врагах и друзьях - стираются различия между ними. Более того, по мнению Э. Гидденса, «сегодня государствам угрожают риски и опасности, а не враги, что коренным образом меняет саму их природу»².

Во-вторых, *порядок* синтезированного социума имеет парадоксальный характер с позиций линейной версии понимания порядка. При ценностном плюрализме, сосуществовании разных систем знаний в одном и том же обществе социальный порядок не может быть единым, с «арочной моралью»,

---

1. «Скрытый стебель», обладающий способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, «некорневую» конфигурацию, – метафорическое обозначение, предложенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари, внеструктурного и нелинейного способа организации целостности. – См.: Ризома. – Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 656-660.

2. Гидденс Э. Ускользящий мир... – С. 35.

а приобретает динамично-рефлексивный характер. По Т. Лукману, порядок в современных плюралистических обществах поддерживается за счет *легитимизации* – социальное взаимодействие акторов все больше регулируется относительно долгоживущими абстрактными нормами, являющимися обязательными для всех членов общества, а также за счет *морализации* – этические кодексы достаточно стабильны в конкретных профессиональных сфера¹х. Кроме того, парадоксальность проявляется и в том, что порядок новых систем образуется и укрепляется за счет разупорядочения других систем, организация одной социальной системы сопровождается дезорганизацией (в том числе патологической) других социальных систем. Внешняя среда (другие системы) не может не сопротивляться этой энтропийной экспансии, хотя для собственной креативности энтропия ей необходи²ма. В итоге в противоположность порядка, основанного на жестких ценностях, возникает *динамическая социальная организованность*. Упорядоченным следует считать такой социум, который открыт для творчества индивидов, восприимчив к возникающим инновациям, реагирует на них структурными изменениями, расширяющимися возможностями креативного обновления своего компонентного состава и повышающими общую устойчивость в динамичной внешней ср³еде.

В-третьих, имеет место парадоксальный синтез *разновременных социальных реалий, относящихся к разным темпомирам*, которые ныне

1. См.: Лукман Т. Некоторые проблемы современных плюралистических обществ. – В кн.: *Социальные процессы на рубеже веков: феноменологическая перспектива*. Научные труды. – М.: МГИМО, 2000; Кравченко С.А. Гуманистический подход Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социс, 2006, № 8.

2. См.: Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. Изд. 2-е. – М.: РАГС, 2003. – С. 61.

3. См.: Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность. – С. 40.

одновременно существуют в одном пространстве. Сказанное, в частности, относится к сосуществованию «старых» и «новых» рисков. Первые относятся к тому социуму, в котором доминируют линейные тенденции развития, присутствуют относительно долгоживущие ценности и авторитеты, эффективно функционируют традиции, соответственно, они в основном касаются лишь *отдельных индивидов*, склонных к девиации. «Новые» же риски затрагивают жизнедеятельность *всех* – большинство из них порождены нелинейностью достижений научно-технической модернизации: люди с энтузиазмом потребляют их блага, будучи зачастую не в состоянии контролировать последствия новых технологий, которые превращаются в фактор рискогенности.

Парадоксальные разрывы и синтезы, по существу, представляют двеединые стороны нелинейной социокультурной динамики. Как правило, разрывы и синтезы присутствуют одновременно в одних и тех же процессах. Так, процесс «детрадиционализации» способствует возникновению парадоксальных разрывов. Хотя сами традиции могут сохраняться, но они утрачивают свое прежнее содержание и потому перестают выполнять функцию значимых авторитетов, задающих строгие, предсказуемые модели поведения. «Традиция, лишенная содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо в китч – безделушки из сувенирного магазина в аэропорт¹у». «Детрадиционализация» способствует образованию *прерывистости* в общественном сознании. Становится очевидным, что формирующиеся *плюралистическое* общественное сознание с *уникальными, индивидуальными* пластами, с *разрывами и парадоксами*, ведет к формированию нового социального типа - парадоксального человек²а. В итоге формируется «расколотое» или «разорванное» общественное созн³ание, отличное от

---

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – С. 60-61.

2. См.: Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: Гардарики, 2001.

прежнего, представлявшего собой относительно *целостную* систему. Вместе с тем, имеет место *парадоксальный синтез* – «в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, а иногда и просто взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек как бы бежит сам от себя и от общества в одно и то же время в прямо противоположных направл¹ениях».

Важно заметить, что метаморфозы и парадоксы общественного сознания не есть *абсолютное зло*. Да и *добром* для современного общества (с учетом его нелинейной динамики) не может быть целостное общественное сознание со стойкими референтами. Это *утопичное видение* перспектив развития общественного сознания. Нужно не противостоять, а *принять* факторы неопределенности, случайности, открытости, разрывов и синтезов в общественном сознании.

Аналогично, разрывы и синтезы одновременно присутствуют в процессе демократизации России. В стране утверждается демократия, важнейшей составляющей которой, с одной стороны, является *свобода самоорганизации*, хотя в ней весьма велик компонент *неупорядоченности и хаотической деятельности, не управляемой должным образом институциональными структурами* (конкуренция частных силовых структур). Но само возникновение *самоорганизованных индивидуальных и коллективных акторов* знаменует собой разрыв с практиками прошлого, когда управление проводилось в отношении *пассивных объектов* и, как правило, путем силового давления. В свою очередь, хаотическая самоорганизация порождает новые расколы и разломы парадоксального характера (это особенно касается правового и экономического полей), на которые россияне в целом вынуждены определенным образом рефлексировать. С другой стороны, в стране образовался не свойственный современным обществам парадоксальный синтез власти и управления,

---

3. См.: Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек. – С. 37.

1. Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек. – С. 55.

собственности и управления, что, как отмечает А.В. Тихонов, противодействует утверждению цивилизованного и рационального способа регуляции действий и взаимодействий людей, предполагающего их согласие и участие. «Социальное управление, в котором не участвуют те люди, для решения проблем которых оно создано, просто перестает быть управлением и становится элементарной и беззастенчивой манипуляцией людьми, фактором отчуждения людей от общих задач, интересов»¹.

В итоге, россиянам приходится иметь дело с парадоксами свободы, которые свидетельствуют о нелинейном развитии демократии в России. В реальных демократических практиках, по существу, содержится как квинтэссенция наших достижений в развитии самоуправления народа, так и проблемы, исходящие от синкретизма власти, собственности и управления, которые своими корнями уходят в индустриальное общество. Специфика этих парадоксов обусловлена тем, что составляющие нашего демократического устройства относятся к разным темповременам. Свобода творческой, предпринимательской, политической деятельности как составляющей социальной самоорганизации (хотя они деформированы излишним хаосом, который ныне преодолевается) характерна для современного общества, синкретизм же власти, собственности и управления – для общества индустриального, что проявляется в виде всевозможных дисфункций по отношению к современным демократическим и рыночным институтам.

Разрывы и синтезы одновременно присутствуют и в процессе, который мы обозначили как *играизация*. Под этим процессом имеется в виду следующее: 1) внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет индивидам посредством саморефлексии и самотворения достаточно эффективно выполнять основные социальные роли, адаптироваться к неравновесности, инновациям, жизни в условиях плюрализации систем знания, многомерности времени и пространства; 2) новый, формирующийся тип рациональности, характерный для современной социокультурной динамики; 3) фактор конструирования,

---

1. Тихонов А.В. Социология управления. М.: «КАНОН+», 2007. – С. 61.

поддержания и изменения социальной реальности неравновесного типа; 4) социологическую парадигму с теоретико-методологическим инструментарием, позволяющим анализировать порядок и хаос в динамичных современных социальных системах.

Парадоксальность процесса играизации проявляется в разрывах целостности и самодостаточности традиционных (линейных) типов игры и общественно полезной деятельности. В линейном социуме игра имеет достаточно жесткий статус деятельности, лишенной прямой практической целесообразности, не имеющей «никакой очевидной цели, кроме удовольствия¹». В игре все осуществляется лишь «ну просто», «как будто» взаправду, «понарошку». «В этом “ну просто” всякой игры, – отмечает известный исследователь феномена игры Й. Хейзинга, – заключено осознание её неполноценности... Не будучи “обыденной жизнью”, она стоит вне процесса непосредственного удовлетворения нужд²». Благодаря движению социума к открытости границы как игровой, так и общественно полезной деятельности «разрываются», становятся *весьма неустойчивым и неопределенными*. Отличие играизации от игры состоит в том, что «правила игры бесспорны и обязательны, они не подлежат никакому сомнению... Стоит лишь отойти от правил, и мир игры тот час же рушится. Никакой игры больше нет³». На это же указывает и Ж.Ф. Лиотар: «Если нет правил, то нет и игры; даже небольшое изменение правила меняет природу игры, а “прием” или высказывание не удовлетворяющие правилам, не принадлежат определяемой ими и⁴гре». Играизация же не знает строгих, *организационно фиксированных* правил. Она, используя приемы театрализации и

-
1. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. – М.: Вече · Аст, 1999. – С. 222
  2. Хейзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – С. 28.
  3. Хейзинга Й. Homo ludens... – С. 30.
  4. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; С-Пб.: «Алетейя», 1998. – С.32.

спектаклизации, делает правила *открытыми*, постоянно их корректирует, что неизбежно предполагает девиацию, хаос, влекущие за собой парадоксы общественного сознания. Однако, на определенном этапе она может привести к новому, *качественно иному правилу* организации социальной жизни, основанному на динамичных игровых «*семейных сходствах*» (Л. Витгенштейн), на определенных «*знаковых кодах*» (Ж. Бодрийяр), на характерных «*фоновых ожиданиях*» (Г. Гарфинкель). Она, соответственно, ведет к созданию *новых алгоритмов самоорганизованного, рефлексивного поведения, как определенного порядка*. По существу, играизация через выше упомянутые средства упорядочивает разнонаправленные действия самоорганизованных акторов в условиях парадоксов нелинейной дина¹мики.

Вместе с тем, играизация обозначает зарождение особого стиля жизни, предполагающего *парадоксальный синтез* серьезного и потешного, реального и виртуального, чувственного и интеллектуального, организационного и дезорганизационного, рационального и иррационального. У многих индивидов возникает потребность к *духу страсти, шанса, счастливого случая*, что адекватно презумпции случайности, утверждаемой нелинейной динамикой. Посредством саморефлексии успешные игровые и эвристические практики социально конструируются, а затем включаются в собственно общественно полезную деятельность, соответственно, в хозяйственно-экономические, политические и культурные структуры. Ныне игровая деятельность охватила *всех*: предпринимателей, политиков, военных, становится органичной частью международных саммитов и дипломатических встреч.

Таким образом, парадоксальные разрывы и синтезы способствуют радикальным структурно-функциональным изменениям ныне существующих обществ и их институтов. Вместе с тем, подчеркнем, они не отменяют собственно линейное развитие, делая его частным, ограниченным случаем.

1. См.: *Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. – М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2006.

Однако в целом обостряются отношения между социумами, находящимися на различных уровнях *закрытости – открытости, линейного – нелинейного* развития. Закрытые системы, тяготеющие к самосохранению любой ценой, в принципе не способны эффективно и толерантно обмениваться ресурсами с другими системами, что касается прежде всего отношения к «инородным» культурным ценностям. Они крайне враждебно относятся к активно формирующимся открытым системам, к их функционированию и особенно к их практикам со значительным компонентом неопределенности.

2. Нелинейная динамика и структурно-функционально «стареющие» общества

Шестая Конференция Европейской социологической ассоциации (Мурсия, Испания, 2003 года) проходила под девизом «Стареющие общества, новая социология». Его суть так выразила Я. Сойсал, в то время Президент исполкома Европейской социологической ассоциации: «Перемены нашего времени по своему величию подобны тем, которые случились в период возникновения социологической классики. Смогут ли наши концепции и организационные метафоры трансформировать себя и стать основой новой социологии для осмысления «стареющих» обществ Европы и мира? Идеологии, ценности, иерархии, границы, стили жизни и институты Европы, равно как и её народы, столкнулись лицом к лицу со значительной дезинтеграцией и обновлением»¹.

Действительно, перемены нашего времени, вызванные нелинейной динамикой, столь радикальны, что социологи в центр своих исследований поставили проблемы структурного и функционального «старения»

---

1. The 6th Conference of the European Sociological Association. Ageing Societies, New Sociology. – Programme of Sessions. – Murcia (Spain), 23-26 September, 2003. – P. 7.

существующих обществ. Они ведут речь не просто об изменениях, а о достаточно быстро приближающемся «конце знакомого мира»¹.

Если на индустриальном этапе развития современных обществ даже революционные потрясения приносили в целом исторически ограниченные результаты, проявляющиеся в функционировании структур в течение длительного периода времени, то теперь даже, казалось бы, незначительные парадоксальные разрывы и синтезы в структурах и функциях сопровождаются очевидным «старением» современного социума. Это, в частности, проявляется в резком увеличении компонентов случайности, неопределенности, несказанного, квазисказанного и симуляций, т.е. хаоса. Сталкиваясь с увеличением парадоксальности, «стареющие» социальные системы либо становятся функционально несостоятельными, либо приобретают дисфункциональные характеристики деструктивного толка или же на их основе, по существу, формируется новый социальный порядок. Это новое состояние общественного развития, детерминированное особенностями парадоксов разрывов и синтезов, связано с *самоорганизацией* социума, с возникновением таких систем, которые посредством самонаблюдения и саморефлексии осуществляют *самотворение* и, что особенно важно, как отмечает Н. Луман, делают это через «поиск инвариантов бытия», используя «возникающие внутренние игровые пространства свободы»². Это создает основу для обоснования «открытого характера» внутрисистемных операций. В итоге мы имеем следующие качественные параметры становящегося самоорганизующегося социума: «Система не только на структурном, но и на операционном уровне является автономной. И именно это выражает понятие аутопойезиса»³. Ни в индустриальном обществе, ни, тем более, в традиционном обществе не было *автономного* социума с

---

1. См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2003.

2. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Издательство «Логос», 2004. – С. 69.

3. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Издательство «Логос», 2004. – С. 70.

внутрисистемной неопределенностью, который к тому же мог бы эффективно функционировать сам по себе.

Проблемы нелинейной социокультурной динамики получили дальнейшее развитие в материалах 8-ой конференция Европейской социологической ассоциации (Глазго, Великобритания, 2007), которая была посвящена теме социального существования европейцев в глобализирующемся мире, сущностной характеристикой которого становится появление неожиданных с позиций линейного мышления социальных новаций, затрагивающих подчас устои гражданства и гражданского общества. По существу, европейцам приходится иметь дело с *рефлексивным социумом*, меняющим достаточно быстро свои качественные характеристики. Соответственно, это предполагает появление инноваций, содержащих парадоксальные разрывы и синтезы. Особый интерес вызвало выступление Маргарет С. Арчер, как известно, разрабатывающей оригинальную теорию синтеза самоорганизующихся структур и акторов. В ее докладе **«От высокого модерна к нарождающейся глобализации: новый рефлексивный императив и трансформации гражданского общества»** анализируются *явные и латентные последствия динамики рефлексивности для гражданского общества*. Если в традиционном обществе, считает социолог, рефлексивность была ограничена как масштабом, так и «контекстуальной целостностью», то в условиях модерна она уже стала распространяться на «контекстуальную дискретность», хотя социальные ограничения не исчезли: *определенные меньшинства акторов* были «особо озабочены относительно своей включенности в существующее политическое и гражданское общество, стремясь к его институциональному совершенствованию». Утверждающаяся глобализация, по ее мнению, *качественно меняет характер рефлексивности*, в чем тоже проявляется «старение» современных обществ. «Впервые в человеческой истории, - подчеркнула докладчик, - рефлексивный императив касается всех» и, кроме того, распространяется на принципиально новые реалии: жизненно важные структуры обретают транснациональное расположение, а культурная система *расширяет рефлексивные возможности*

посредством перехода от разнообразия до стимулирования еще большего разнообразия. Соответственно, европейское население не только противоборствует с «контекстуальной дискретностью», но вынуждено адаптировать свои умения и чаяния к постоянно возникающим инновациям, к открывающимся дополнительным сферам деятельности, что, по существу, ведет к радикальным изменениям жизнедеятельности людей. В итоге Арчер делает вывод: нынешняя трансформация рефлексивности, являющейся посредником между структурой и деятельностью акторов, ведет к «переопределению и переструктурированию конфликта, гражданственности и гражданского общества»¹.

Взятые вместе, эти сложные процессы с неизбежностью порождают неопределенности и парадоксы. Людям приходится учиться жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных традиций и авторитетов. Даже референтные группы теряют свою силу уникальности, привлекательности, престижности. Индивид поставлен в условия жизни, когда постоянно *необходимо выбирать*, просто *нельзя не выбирать* с учетом понимания неоднозначности последствий для его будущего, возможности немедленных или отложенных «вдруг-событий». Будут ли последствия выбора благоприятные или негативные для функционирования предсказать и тем более оценить весьма трудно, ибо интерпретации результатов сделанного выбора *варьируются в пространстве* и изменяются во *времени*. Тот выбор, который оказался эффективным для одного культурного пространства, не является универсальным для других культур. Сказанное касается и оценок результатов выбора во временном контексте.

Глобализация приводит к культурным шокам, разломам и разрывам на уровне «региональной субглобализаци²и». Человечество оказалось не готовым к такому ускорению исторического времени и связанным с ним

---

1. См.: The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rd – 6th September 2007. – Glasgow Caledonian University. – P. 36-37.

2. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: «Аспект Пресс», 2004. – С. 130.

вызовам для локальных культур. Борьба с «глобализмом», считает Д.Д. Порта, известный специалист в области социальных движений, политического насилия и терроризма, ознаменовала появление принципиально новых форм социального протеста, немислимых в рамках линейного детерминизма. Они имеют своеобразный *глобальный дискурс*, что буквально «потрясло некоторые доминирующие представления» о социальных движениях. Если ранее их основу составляли институционализованные коллективные акторы, то теперь им на смену, по ее мнению, приходит *«конвергенция разных типов актор¹ов»*. Если деятельностью институционализованных коллективных акторов, даже имеющих оппозиционный характер, в принципе *можно инструментально управлять*, то появление конвергенции разных типов политических акторов означает, что власти должны иметь дело с иным уровнем спонтанности и самоорганизации протестных социальных движений. Недавний пример тому – акции протестов в Европе и мире, осуществлявшиеся во время церемоний несения олимпийского огня, против силовых подходов Пекина к урегулированию тибетских проблем.

Казалось бы, выход из проблем нелинейного мира следует искать в *рациональном совершенствовании* существующих образов жизнедеятельности, что находится в рамках европейской гуманистической традиции и собственно логоцентризма. Однако парадоксальные разрывы и синтезы поставили под вопрос представления об «универсальной», казалось бы, «естественной», всеми разделяемой рациональности. Фактически же множатся типы рациональностей в современном мире². Кроме того, попытки зарационализировать всевозможные сферы жизнедеятельности с позиций жесткого детерминизма, как еще показал М. Фуко, исследовавший проблемы институционализации социального контроля, надзора и дисциплины с неизбежностью порождают ненамеренно формируемые иррациональности³ со

---

1. См.: The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rd – 6th September 2007. – Glasgow Caledonian University. – P. 33-34.

2. См.: Ritzer G. The McDonaldization of Society. – Pine Forge Press, 2000.

всеми вытекающими отсюда, как правило, отложенными проблемами. Под влиянием нелинейной динамики утверждается *релятивность* любой разумности и рациональности. «Следует признать, - замечает Н. Луман, что о целесообразности можно выносить лишь те суждения, которые соотнесены с определенным временем»¹.

Более того, ныне возникает парадоксальная амбивалентность *разумной образовательной деятельности*. С одной стороны, образованный человек осознанно, рационально оценивая, принимает существующую институциональную реальность, стремится следовать ценностям и нормам культуры, что делает его поведение предсказуемым для окружающих. Однако, с другой стороны, у такого индивида, как правило, формируется критическое начало, что *латентно* воспроизводит *инновационные вызовы* существующему порядку, выражающиеся в стремлении что-то изменить к лучшему. Но в усложняющейся социокультурной динамике невозможно изменить *только конкретное* что-то. Сразу же возникнет эмерджентность и случайность в функционировании *окружающего* социума, который сегодня представляет собой совокупность социальных сетей. «Улучшение» даже одной ячейки цепи может латентно, ненамеренно вызвать цепные риски нефункциональности и дисфункциональности в других ячейках цепи.

Возможно ли из нелинейного мира вернуться в мир «железного порядка», в котором бы доминировали «интересы безопасности» и «непререкаемые авторитеты»? Весьма многие россияне хотели бы это сделать. Социологические опросы свидетельствуют, что 63% граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод. Категорически не хотят поступиться свободой ради «интересов безопасности» только 6%, а остальные в раздумьях². Ряд людей считает, что суть проблемы современных обществ сводится к альтернативе: свобода или

3. См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — СПб.: Университетская книга, 1997; *Он же*. Рождение клиники. — М.: 1998; *Он же*. Надзирать и наказывать. — М.: 1999; *Он же*. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973—1974 году. — СПб.: Наука, 2007.

1. Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Издательство «Логос», 2004. — С. 189.

2. См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина; Под общ. ред. М.К. Горшкова. — М.: ИИК «Российская газета», 2007. — С. 123.

безопасность. Однако, по существу, это ложная дилемма. Без свобод и прав человека безопасности не станет больше. Конечно, возможна «частичная обратимость процессов эволюции в сложных системах»¹. Однако в принципе «убежать» от тенденций нелинейности и, соответственно, «старения» линейно функционирующего социума просто невозможно.

Вместе с тем, «старение» существующих обществ оборачивается не дезориентацией и тотальным хаосом, а утверждением *нового порядка – порядка, порожденного из хаоса*. Соответственно, новый порядок востребовал *самоорганизованных* акторов, способность современного социума к *саморефлексии* и *самотворению* в весьма сложных условиях парадоксальных разрывов и синтезов. «Старение» обществ становится все более рельефно выраженными. Есть веские основания полагать, о чем говорят многие социологи, что уже нынешнее столетие ознаменует собой «конец» существующих обществ в том виде, к которому мы привыкли.

3. Развитие социологической теории: стремление поспеть за социокультурной динамикой

Для адекватной интерпретации последствий нелинейной социокультурной динамики нужен новый мир социального знания, новый теоретико-методологический инструментарий, новая *«рефлексивная» социоло²гия*, которая в условиях отсутствия строгих данностей смогла бы, тем не менее, прояснить *общую* картину перемен, выявить потенциал неравновесности, хаоса, исключений, разломов и синтезов, диффузных процессов, а также возможные траектории становления нового социума. «Социология оказывается в состоянии устойчивого беспокойства, – указывает Н. Луман, – то есть *организует себя как аутопойетическую систем³у*».

---

1. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2007. – С. 31.

2. С середины 80-х годов прошлого столетия об этой социологии активно пишут многие ученые. См., например: Mulka, M. The Word and the World: Explorations in the Form of Sociological Analysis. – L., 1985; Law, J. (Ed.) Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? – L., 1986.

3. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Издательство «Логос», 2004. – С. 29.

Одним из первых, кто поставил вопрос о необходимости создании социологической парадигмы, которая значительным образом отличалась бы от существующих теоретико-методологических традиций, был Э. Гидденс, выступивший ещё в 1986 году с нашедшими *«Девятью тезисами о будущем социологии»*¹. С тех пор к этой проблематике социолог обращается постоянно². В противоположность *линейно-эволюционным* теориям Гидденс предлагает *прерывистую* интерпретацию современного социального развития, под которой подразумевается то, что современные социальные институты являются *уникальными*, радикально отличными от институтов прошлого традиционного общества. При этом акцент им был сделан на том, что в истории человечества появились реальные альтернативные возможности будущего, выбор которых зависит собственно от субъектов деятельности или акторов, т.е. от нас самих. В этой связи Гидденсом была выдвинута теория *структуриции*, позволявшая, по замыслу её создателя, «сформулировать связное, логически последовательное представление о человеческой деятельности и потребностях структуры»³.

На характер теоретико-методологического инструментария социологии оказывали влияние и развитие общества, и интеллектуальные традиции страны, в которой она зарождалась и развивалась, и, конечно, достижения самой науки. Новые теоретические подходы опирались на плечи предшествующих гигантов социологической мысли.

Традиционно теории классифицируются по двум критериям: историческо-культурный и национально-региональный контекст. В настоящей работе предлагается *иной критерий* классификации социологических теорий – то тому, насколько их теоретико-методологический инструментарий нацелен и способен анализировать

---

1. См.: Giddens A. Nine Theses on the Future of Sociology // Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. – Cambridge, 1987. – P. 22-51.

2. См.: Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории. Антология / Под ред. Ю.А. Кимелева. – М.: Аспект-пресс, 1995; *Его же*. Устроение общества: Очерк теории структуриции. – М.: Академический проект, 2003; *Его же*. Новые правила социологического метода. – В кн.: Теоретическая социология: В 2 ч. / Сост. и общая ред. С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002.

3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриции. – М.: Академический проект, 2003. – С. 15.

усложняющуюся социокультурную динамику общества, исходя из постулата *стрелы времени*. По этому критерию можно выделить пять поколений социологической теории. **Первое поколение**, представленное **позитивистской метапарадигмой**, – теории, рассматривающие общественное развитие как *эволюционно-линейное*, исходя из того, что развитие природы и общества может быть в принципе интерпретировано одним и тем же теоретико-методологическим инструментарием. Первые социологии – О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, К. Маркс – пытались обосновать *объективно-исторические законы*, которые, по существу, применялись для интерпретации как общества, так и неживой материи. Они исходили из наличия жесткой причинности между социальными фактами и *обратимости общественного развития* – все народы в своем развитии в принципе повторяют «высшие, более прогрессивные» формы. Данные теории основаны на постулатах *логоцентризма и евроцентризма научного знания*.

Второе поколение (интерпретивная метапарадигма) – теории, основанные на собственно социальном теоретико-методологическом инструментарии, который толковал причинность как *вероятность* совершения событий. Из чего следовало, что человеческое общество не есть нечто «исторически неизбежное», а результат *«множества возможностей»*, ибо «мы имеем дело только с *непонятной* (или не вполне понятной) *статистической вероятностью*¹», - отмечал М. Вебер. Эти теории нацелены на изучение *альтернативного социума*.

Третье поколение (интегральная метапарадигма) – теории, интерпретирующие общественное развитие в виде *неопределенных флуктуаций* (П.А. Сорокин), *подвижного равновесия, ускоренной дифференциации* (Т. Парсонс), через призму *«социологической амбивалентности»²*, обозначающей, что некая социальная форма обладает *усложняющейся функциональной динамикой* - способна выполнять как позитивные функции, так и может также играть дисфункциональную роль в

---

1. Вебер М. Избранные произведения. – С. 612.

2. См.: Merton R.K. Sociological Ambivalence and Other Essays. – New York: Free Press, 1976.

этой же системе. Более того, флуктуации, сложная динамика социума приводят к тому, что отныне предметом специального социологического анализа становятся *непреднамеренные последствия* характерных моделей поведения. Представители этого поколения ввели в научный оборот само понимание нелинейной динамики. П. Сорокин пишет: «Нет никакой непрерывной линейной тенденции... В этом смысле и история в целом никогда не повторяется, и совокупный исторический процесс имеет уникальный исторический аспект в каждом своем моменте, аспект, насчет которого можно предсказать только то, что он непредсказуем... и поскольку будущее непредсказуемо, мы не знаем и не можем знать, имеется ли какая-нибудь непрерывная главная тенденция и какой-нибудь пункт назначения, к которому идет человечество».

Четвертое поколение (рефлексивная метапарадигма модерна) – теории, анализирующие современное общество, для которого характерна как *институциональная*, так и *индивидуальная рефлексивность*. Процесс рефлексивности людей относительно их самоидентификации, как *постоянный поток изменений*, предполагающий, по существу, *спонтанные выборы идентичностей*, подвергается особо пристальному теоретическому анализу. Отсюда оказался востребованным деятельностно-активистский подход, разрабатываемый Э. Гидденсом, П. Бурдьё, Дж. Александером, М. Арчер, П. Штомпкой и др. Модерн принес в нашу жизнь *культивированный риск*. Как полагает Э. Гидденс, культивированный риск «совпадает с некоторыми основополагающими установками, присущими современности. Способность нарушать устои, открывать новые пути и таким образом колонизировать участок неизведанного будущего является неотъемлемой частью тревожного характера современности³». Соответственно, риски и неопределенности становятся в центр социологических исследований.

1. См.: *Merton R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, vol.1, 1936.*

2. *Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... – С. 92, 93.*

3. *Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. – P. 126.*

Пятое поколение (нелинейная метапарадигма постмодерн) – теории, и декларирующие, и изучающие *нелинейную социокультурную динамику*, процессы *самоорганизации социум¹*, обеспечивающие возникновение *порядка из хаоса²*, превращение стихийного развития в *направляе³мое*, а также теории, анализирующие возникающий при этом десоциализирующийся социум, знаменующий «*конец социального*» и образование «*ничто*» под влиянием глобализ⁴ации. Это принципиально новые теории, которые для выполнения поставленных задач потребовали столь значительное привлечения теоретико-методологического инструментария из естественных и гуманитарных наук, что некоторые социологи (Дж. Ритцер, Ж. Бодрийяр) отказываются считать данные теории собственно социологическими.

Однако, если принять во внимание, что десоциализирующийся социум не существует иначе, как по отношению к социально-гуманистическим практикам и структурам, то, по нашему мнению, теории, изучающие даже десоциализирующиеся реалии, которые, однако, не могут существовать иначе как в контексте социальных реалий, можно считать социологическими. В пользу такого определения работает и тот аргумент, что интеграция социологии с естественными и гуманитарными науками, в частности, с социосинергетикой⁵, отнюдь не выхолащивает и не умаляет собственно социологический инструментарий. XVI Всемирный социологический конгресс показал, что в социологической науке произошли и продолжают

---

1. См.: Стратегия динамичного развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции. – М.: «Проспект», 2004; *Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. – М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2006.

2. См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. – М., 1994; См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

3. См.: *Mousses H.H.* Расставание с простотой. – М.: Аграф, 1998.

4. См.: *Ritzer G.* The Globalization of Nothing. – University of Maryland: Pine Forge Press, 2004.

5. См.: *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной организации. – СПб., 1999; *Шалаев В. П.* Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире. – Йошкар-Ола, 1999; *Ельчанинов М. С.* Методологические идеи социосинергетики. – Тольятти, 2000; Глобализация: синергетический подход. – М., 2002; *Бранский В.П., Пожарский С.Д.* Социальная синергетика и акмеология, – СПб., 2001 и др.

происходить весьма радикальные изменения, выраженные во взаимодействии не только с родственными социальными науками, но и науками гуманитарными и естественными, у которых заимствуются и отдельные термины, и даже концепции, которые в дальнейшем наполняются собственно социологическим содержанием.

В широком смысле слова все пять поколений социологической теории *современны*, ибо и сегодня выполняют функции теории - позволяют осуществлять систематизацию знания, объяснять социальную жизнь через выдвижение гипотез применительно к *конкретному* социуму, его базовых характеристик (открытости – закрытости, временных масштабов динамики, соотношению компонентов глобального и локального, роли деятельных социальных субъектов и т.д.). *В узком, собственном смысле слова* современны лишь четвертое и пятое поколение теорий – теории модерна и постмодерна, ориентированные на исследования самоорганизации, рефлексии и нелинейности социума и, конечно, проявлений парадоксальных разрывов и синтезов.

Каждое новое поколение социологической теории возникало лишь тогда, когда *общество преодолевало очередной порог динамической сложности* и, по существу, теоретико-методологический инструментарий создавался для анализа изменений. Границы между поколениями теорий *релятивны*: из того, что создано мировой социологической мыслью на разных исторических этапах, можно и нужно извлекать все ценное для понимания современных социальных процессов. Каждый уровень социологического анализа увеличения динамической сложности вытекал из предшествующего уровня и в свою очередь создавал условия для другого уровня анализа. Отнюдь не случайно возникла *социология социологии* как *рефлексивная социология*, которая способствует *релятивизации* и вместе с тем *актуализации* социологического знания: достижения социологов первых поколений не столь наивны, они постоянно переоткрываются, раскрываются своими *новыми гранями*, становясь органической частью современных теоретико-методологических разработок.

Наконец отметим, что нелинейная динамика социума во всех своих проявлениях не может не отразиться на *характере* самой социологии, которая обретает *рефлексивный, ризомный характер с отсутствием единого стержня развития*. Очевидно, эта тенденция сохранится в обозримом будущем. Полагаем, сегодня можно говорить не только об игре структур (Ж. Дерида), игре истины (М. Фуко), но и об игре методологического инструментария социологических теорий, что характерно для нелинейной метапарадигмы постмодерна. Будучи ориентированной на интерпретацию неопределенных, ризомных процессов, на разрывы и синтезы в познании, она сама по своей методологической сути становится все более пластичной и открытой, что касается и концепций, и категорий, и даже отдельных понятий. Это, подчас, не укладывается в привычное, рациональное теоретизирование, в культуру логоцентризма. Но формирующаяся нелинейная метапарадигма постмодерна набирает жизненную силу. Примечательно, на XVI Всемирном социологическом конгрессе рельефно проявился дискурс о границах социальной науки, незападных парадигмах, “постчеловеке”, рефлексивности второго порядка и т.д. Показательна в этом плане и тематика одной из Ad Hoc групп - «Социологи без границ»¹.

Словом, нелинейная социокультурная динамика порождает вызовы социологическому знанию, на которые необходимо отвечать. Сегодня социологической теории необходимо анализировать социум разной динамической сложности, находящийся в разных темпомирах, подверженный парадоксальным разрывам и синтезам, имеющий тенденцию к дисперсии, да еще рефлексировать по поводу разрывов и синтезов в самом процессе познания.

---

1. См.: XVI World Congress of Sociology. Abstracts. ISA 2006 Congress. The Quality of Social Existence in a Globalizing World. – Durban, South Africa, 2006.